

Глубокой ночью Цзян Юй сжался в комок на диване. Его влажные ресницы были наполовину опущены, липкое тело пылало жаром. Подперев рукой лоб и плотно сжав потрескавшиеся, сухие губы, он изогнул пальцы и зачесал назад влажные от пота волосы, обнажив скрывавшие острый блеск брови и глаза — точь-в-точь дикий волк, рыщущий в темноте в поисках добычи.

Во всем здании стояла мертвецкая тишина, и любой малейший шорох казался оглушительным.

Внизу раздался звон разбитого стекла в холле, со второго этажа забрезчил слабый свет, и шаги на лестнице стали отчетливее.

Мужчина был одет с иголки — он вовсе не ложился спать. Вглядываясь в притаившегося на полу юношу, он различал лишь силуэт в полумраке.

— Ты что делаешь?

В темноте послышалось шуршание, а следом хриплый слог:

— Жажда.

Сюй Имин нахмурился. Стоило ему уловить в воздухе слабый запах крови, как его лицо мгновенно изменилось, и он повернулся, чтобы включить свет.

Угловой край коричневого пледа свисал с дивана. Сидевший на полу юноша был почти обнажен, черные влажные волосы беспорядочно липли к шее, а под ноги на деревянный пол стекала кровь. Обессиленно склонив голову набок, он сжимал палец, с кончика которого капала кровь.

При этом его черные как смоль глаза не отрывались от мужчины. Во взгляде таилась свирепость и непреклонность — полная противоположность его нынешней физической слабости.

Демонический, дурманный, порочный, зловещий.

Именно это почувствовал Сюй Имин. На какую-то секунду, или даже две, нечто запертое глубоко внутри него взревело и вырвалось наружу.

— Вставай. — Сюй Имин смотрел на него сверху вниз, и его холодное, безразличное выражение лица скрывало внезапно охватившие его перемены.

— Сюй Имин... — глядя на него, Цзян Юй с трудом проглотил ком в горле. — Мне очень больно.

Впервые услышав, как юноша обращается к нему по имени, а не фальшиво — учитель Сюй, Сюй Имин слегка погрузил взгляд во тьму и шагнул вперед, чтобы поднять его на руки. Му Шаоцин, не забудь завтра как следует отмыть пол и почистить ковёр, которые ты испачкал.

У Цзян Юя запульсировало в висках, но он сделал вид, что ничего не расслышал.

Не размазывай пот и кровь по моей одежде, — продолжал поднимавшийся по лестнице мужчина, возможно пытаясь таким образом унять волнение от того, что впервые нёс кого-то на руках.

Едва затихло последнее произнесённое им слово, как чья-то рука обвилась вокруг его шеи.

Цзян Юй поначалу ещё держался из последних сил, но вскоре навалилась усталость. Он смежил тяжёлые веки и погрузился в глубокий сон, окружённый тонким ароматом туши и бумаги.

Если на втором этаже повернуть налево, окажешься в спальне Сюй Имина — просторной и пустой. Там стояла лишь огромная кровать, на которой свободно могли бы улечься плечом к плечу пятеро или шестеро взрослых, а у противоположной стены тянулся далёкий ряд шкафов для одежды. Больше в комнате ничего не было.

Замрев на полпути к постели с юношей на руках, Сюй Имин взглянул на окровавленные ступни Цзян Юя, с брезгливым выражением лица отнёс его в ватную и, освободив одну руку, принялся большим полотенцем стирать кровь. Непривычное дело давалось ему с большим трудом.

Из-за этого, вытирая капельку крови на груди юноши, он не рассчитал сил и стёр кожу до красноты.

Если бы этот цвет стал чуточку ярче, зрелище оказалось бы ещё прекраснее. Когда Сюй Имин осознал, о чём думает, его дыхание сбилось, но он тут же взял себя в руки.

Взгляд Сюй Имина скользнул по обнажённому телу мальчика у него на руках, не задерживаясь надолго. Возможно, в силу привычки к определённому роду занятий, он оставался совершенно спокоен, однако всё же не удержался и легко коснулся закрытых глаз юноши.

Именно то, что скрывалось под подушечками его пальцев, заставляло его уже не в первый раз нарушать правила и совершать столь неразумные поступки.

Половина четвёртого утра, густую ночную темноту уже разбавил рассвет.

Сюй Имин убрал аптечку, аккуратно уложил ноги юноши под одеяло и, поднявшись с колен, встал у кровати, одной рукой массируя нывшие виски. Эта кровать не знала чужих тел. Тон у него был скверный: непонятно зачем притащить человека домой, непонятно зачем уложить в постель — наверняка у него просто в каком-то месте замкнуло нервы, вот и случилось помутнение.

Сюй Имин вышел из спальни, затворил за собой дверь и направился в мастерскую.

Он закрыл глаза, и в голове возникла сцена: сидящий на полу парень, коричневый плед, черный диван, ярко-алая кровь и угольно-черные, дикие глаза.

Сюй Имин взял угольный карандаш, и то, что клокотало в груди, с мощью рушащихся гор и сокрушающих мир рек хлынуло в кровь, сосредоточилось в правой руке, подгоняя его

запечатлеть эту непохожую ни на кого душу на бумаге во всей ее живости.

Цзян Юй проснулся от голода. В тот самый миг, когда он открыл глаза, ему показалось, что он в своей комнате и что он вернулся.

Такая же пустота, только его собственная комната была черной.

— 000, на сколько продвинулось выполнение задания?

— Дзинь! Уровень благосклонности: -1.

— ...

Лицо Цзян Юя помрачнело: он всё-таки недооценил сложность первого тома.

Наблюдая за Сюй Имином всё это время, он понял, что этот человек ко всем испытывает враждебность и отвращение, вечно норовит судить других по собственным меркам и взглядам, требуя от них соответствовать его эго.

Добиться этого было невозможно, так что он будет и дальше ненавидеть и критиковать всё, что происходит вокруг.

Цзян Юй откинул одеяло и встал. Когда он наступил на пол, в ступне ощутилась легкая боль; он опустил взгляд на повязку на ноге, и в глубине его глаз мелькнул острый огонек.

Он опустил уголки глаз, на губах заиграла улыбка: клюнул.

Цзян Юй открыл шкаф, бегло окинул взглядом вешалки и снял оттуда синюю рубашку. Судя по его росту, в брюках нужды не было.

На втором этаже располагалось всего несколько комнат, на стенах висели рамы с монохромными картинами — на грани плотского и чувственного.

Цзян Юй остановился перед одной из картин, приподняв бровь: чтобы оценить работы Сюй Имина, требовался определенный уровень, а чтобы понять заключенный в них мир, — прочувствовать его на уровне смыслов.

Он сам был всего лишь дельцом с не слишком чистыми методами, смердящим желтым металлом и чуждым изысканной утонченности литераторов и поэтов.

И всё же, будучи дилетантом, он видел, что эти картины тяготеют к мрачным тонам — это были скачки и изломы под управлением собственного разума, свирепое выплескивание подавленной стороны души. Преобладали масштабные серые оттенки, но при внимательном рассмотрении в этой серости обнаруживалось богатство красок, заставляющее погрузиться в грезу, словно во сне.

В душе Цзян Юй восхитился природным талантом этого мужчины.

— Дзинь! Поздравляем господина Цзяна с активацией навыка «Унесу на седьмое небо, укачаю в облаках», время перезарядки отсутствует, обратный отсчет: три минуты.

У Цзян Юя на лбу вздулись вены, дыхание вмиг сбилось. Под рубашкой было совершенно пусто, и то место внизу оставалось мягким и вялым — как он собирается куда-то его уносить?

— Дзинь! Господину Цзяну не о чем беспокоиться, 000 поможет вам взлететь высоко.

Откуда у него это дурное предчувствие? Цзян Юй внезапно вздрогнул от озноба и с напряженным лицом посмотрел на закрытую дверь.

Едва мысль промелькнула у него в голове, как он нащупал в руке внезапно появившийся холодный металл.

Всё его восприятие мира менялось под воздействием происходящего, разрушая привычные устои снова и снова.

Ключ вошел в замочную скважину и легко повернулся. От 000 он знал, что, когда этот мужчина рисует, он погружается в состояние демонического исступления, полностью отрезанный от внешнего мира.

Дверь приоткрылась на палец, в нос ударил резкий запах красок и рисовального угля. Цзян Юй прищурился, а в следующий миг его зрачки сузились, и всё тело окаменело.

Мужчина, стоявший к нему в полуобороте, был совершенно гол. Его мужское достоинство находилось в состоянии возбуждения, поражая воображение своими размерами — это было абсолютное, не сдерживаемое ничем освобождение, а контуры напрягшихся в движении кисти мышц воплощали в себе истинную силу и красоту.

Цзян Юй толкнул дверь и шагнул внутрь. Он отчетливо разглядел того, кто был изображен на холсте.

<http://bllate.org/book/25413/3029632>